

Д. С. Семенова

«СВОИ» И «ЧУЖИЕ»:
ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА
В ИДЕОЛОГИЧЕСКОМ ВОСПИТАНИИ
ЮНОШЕСТВА (НА ПРИМЕРЕ
УКРАИНСКОЙ СОВЕТСКОЙ И ПОЛЬСКОЙ
ЛИТЕРАТУР 1920–1930-х гг.)

В статье рассмотрена украинская советская и польская приключенческая проза 1920–1930 гг. с точки зрения стратегий конструирования образов «своего» и «чужого». Различия в доминирующих подходах включают создание неатрибутированного «чужого» в советской литературе, в отличие от необходимости цивилизационной идентификации «врага» в польской. В украинской советской литературе преобладает изображение оборонительной «встречи с чужим» на своей территории, в польской — «встречи с чужим» в экзотическом ландшафте. Общие механизмы двух литератур включают топос границы «своей земли», разделяющей дружелюбный и недружелюбный миропорядки, а также мотив соперничества с «чужим» за цивилизационное влияние.

Ключевые слова: приключенческая проза, польская литература, украинская советская литература, идентичность, идеологическое воспитание.

По окончании Первой мировой войны на политической карте Европы на территориях распавшихся империй появились новые государства. В их числе были как национальные государства народов, которые десятилетиями вели борьбу за независимость от империй (Польша, Чехословакия, Венгрия), так и появившийся в результате социалистической революции Советский Союз. В любом случае, новые государства объединили в своих границах весьма разнородное население, зачастую ранее разделенное границами, имеющее значительные различия в идентичности. Интеллектуальные элиты новых государств столкнулись с необходимостью заглаживания различий, создания новой идентичности, объединяющей каждое из новых обществ — иными словами, пользуясь терминологией, предложенной Б. Андерсоном, создания «воображаемых сообществ» [Anderson 1991], границы которых совпадали бы с границами новых

государств. Несомненно, значительные усилия были направлены на просвещение в соответствующем ключе взрослых, но совершенно особые возможности для подобного созидания «воображаемых сообществ» открываются, когда речь идет о воспитании подрастающих поколений.

В этом случае средства официального воспитания (например, содержание школьной программы) участвуют во возвращении новой идентичности наряду с другими источниками, из которых дети и подростки получают информацию о мире. Речь идет, в частности, о средствах организации досуга, даже «несерьезных», в первую очередь, развлекательных жанрах [Yanarella, Sigelman 1988, с. 1], таких, как приключенческая проза. Развлекательные жанры еще и потому, на наш взгляд, достойны внимания в контексте воспитания («воспитание» идентичности или в общем смысле прививание ценностей и поведенческих моделей), что юного читателя они привлекают захватывающим сюжетом [Bruzelius 2007, с. 214], а потому «воспитывают» ненавязчиво.

В то же время приключенческие романы для детей и юношества — особенно интересный материал для исследования представлений о «своих» и «чужих», о границах, в которых выстраиваются такие «воображаемые сообщества», еще и ввиду их жанровой природы. Они относятся к «формульным жанрам» [Cawelti 1977], для них характерна устойчивая жанровая структура с яркими различиями между протагонистами и антагонистами, олицетворяющими «правильные» и «неправильные» миропорядки. При этом своеобразный «контракт» автора с читателем заключается в том, что «наши», то есть протагонисты, не могут не выйти из коллизии победителями¹ — а это, в свою очередь, подтверждает правоту олицетворяемой ими «своей» картины мира. Это делает приключенческие романы плодотворным материалом, из которого можно почерпнуть представления о «своих» и «чужих», характерные для определенной эпохи и/или культурной традиции.

При этом намерение автора передать своему юному читателю тот или иной воспитательный «посыл» не является необходимым компонентом. Для того чтобы текст работал как такое средство прививания представлений о мире, достаточно, чтобы автор следовал описанным выше жанровым конвенциям в намерении создать захватывающий текст для юного читателя. Очевидно, что во многих случаях этот привлекательный для читателя жанр целенаправленно делают одним из способов воспитания юных граждан в соответствии

с избранной идеологией. Тогда формульную структуру насыщают характерными для пропагандируемой картины мира образами «своих» и «чужих», а также изображением соответствующих моделей поведения. Но среди рассмотренных мною произведений есть и такие, чьи авторы думали гораздо больше о тиражах, скорее нащупывая и репродуцируя в текстах мотивы, находящие отклик у читателей, чем следуя собственной программе воспитания. Для других авторов воспроизведение фундаментальных оппозиций, касающихся «своих» и «чужих», характерных для официальной идеологии, было единственным способом вообще добраться до читателя.

Принимая во внимание эти общие черты жанра приключенческих романов, рассмотрим некоторые механизмы участия приключенческой литературы в ангажировании «новых граждан» в идеологические конфликты на примере повестей и романов, изданных в 1920-х и 1930-х гг. в Польше и в СССР (на примере украинской советской литературы). В частности, выводы, изложенные в статье, основываются на анализе таких текстов, как «Через снега и пожара» Вацлава Незабитовского (1924), дилогия «Здих ищет отца» и «Здих ищет мать» Джима Покера (1934), «Перстень с рубином» Фердинанда Антония Оссендовского (1938), «Каньон соленой реки» Тадеуша Костецкого (1939) — из польской литературы, и повестей «Вокруг света за 50 дней» Якова Кальницкого и Владимира Юрезанского (1928), «Лахтак» (1934) и «Шхуна “Колумб”» (1938) Николая Трублаини, «Школа над морем» Олеся Донченко (1937) — из украинской. В обеих странах в этот период приключенческая литература становится важным вспомогательным средством воспитания новых граждан в соответствии с идеологиями двух молодых государств, предлагая читателю «ментальную карту» с однозначным разделением на «своих» и «чужих».

При этом, несомненно, есть много поводов рассматривать украинскую советскую литературу (как одну из литератур «национальных окраин») как частное явление на периферии «общей» советской литературы с общими характерными тенденциями. Речь идет о тенденции к унификации в дискурсе советской литературы как на уровне идейной установки (что будет рассмотрено при анализе содержания упомянутых произведений и тех идей о границах «своего», которые авторы сообщали своим читателям), так и на уровне формы, в том числе разрешенных и поощряемых жанровых разновидностей. Однако, основывая настоящий анализ на украиноязычной приключенческой прозе, я распространяю силу своих выводов лишь на украинскую советскую литературу.

«СВОИ» И «ЧУЖИЕ» НА КАРТЕ МИРА

В обеих литературах доминирующим является горизонтальное, то есть территориальное разделение на «своих» и «чужих». В приключенческих романах и повестях читателя знакомят с протагонистами, которых представляют как типичных — или выдающихся — представителей «своей группы» (in-group). Эти «свои» герои противостоят угрозам, связанным с проникновением представителей чужого порядка на «свою» территорию, а также опасностям, связанным с тем, что протагонисты сами покидают защищенное «свое» пространство и отправляются в путешествие.

В этом смысле и для польской, и для советской литературы важным является топос границы «своей земли», разделяющей дружелюбный и недружелюбный миропорядки. Так, например, в повестях «Шхуна “Колумб”» Н. Трублаини и «Школа над морем» О. Донченко маленькие, ничем не примечательные поселки на Черном море «пространством приключения» делает близость государственной границы, из-за чего советским подросткам — протагонистам повестей — приходится бороться с вражескими лазутчиками — шпионами и диверсантами. Диверсантов ожидают и польские пограничники, проверяющие поезд из Минска, в повести Джима Покера. Государственная граница переживается персонажами приключенческих романов крайне эмоционально, символически разделяя в иных отношениях однородное пространство на выразительно «свое» и «чужое». Так это переживает обнаруженный под поездом, вместо лазутчиков, 10-летний протагонист Покера: «С того момента, когда он знает, что он в Польше, он уже ничего не боится. Ведь это невозможно, чтобы тут были злые люди, ведь это же свои» [Poker 1934, с. 7]. И в романе «Через снега и пожарища» В. Незабитовского вся фабула выстроена вокруг многомесячного путешествия протагонистов из Хабаровска, устремленная к моменту наивысшего напряжения пространства — пересечения условной границы, определяемой линией фронта, за которой сразу они попадают в пространство иного качества: «Ты у своих, не бойся!» [Niezabitowski 1925, с. 152]

Таким образом, читателю предлагается картина мира, в которой граница своего «воображаемого сообщества» совпадает с государственными границами, нивелируя потенциально более значимые внутренние различия. На тот же эффект работают и другие механизмы, не специфические для приключенческого жанра, например, прописывание различных локаций на «своей» территории как «мест

«нашей» славы» (например, «Львов, этот самый героический из всех городов польских, всегда готовый взяться за оружие на защиту отечества» [Poker 1935, с. 5]), изображение выходцев из разных регионов как образующих абстрактную группу «своих» (то есть включение в представление о «своем» практик и образов жизни, потенциально не представленных в ежедневном опыте юного читателя — так, к примеру, в повести «Вокруг света за 50 дней» читателя знакомят с буднями одного протагониста в Харькове и другого — в деревне в Пермской губернии, прежде чем начнется их совместное приключение), а также в более свернутой форме разнообразные списки, также прописывающие все разнообразие представителей создаваемой в воображении «своей» группы.

Например, так представляет «цветущее разнообразие» спасенной от диверсантов «своей группы» О. Донченко в финальных абзацах повести «Школа над морем»: «со всех концов необъятной страны начали приходить письма. Письма шли из Москвы, из Киева, из Владивостока, из Ташкента, из Минска. <...> Писали пионеры из далекого Казахстана и с берегов Белого моря, писали красноармейцы и летчики, писали профессора и рабочие, русские и украинцы, писали узбеки и грузины, башкиры и татары...» [Донченко 1956а, с. 538]².

Выше мы рассмотрели несколько механизмов, используемых при создании художественного мира приключенческих романов, предлагающих юному читателю такую картину мира, согласно которой мировое пространство является разделенным на территории «свои» и «чужие», населенные соответственно «своими» и «чужими» людьми, причем разделение имеет ярко выраженные оценочные коннотации и накладывается на ключевое для жанра приключенческого романа противостояние между протагонистами и антагонистами.

При всей важности топоса границы «своего» порядка то и дело сталкиваются с интенцией персонажей переступить за эти границы. Советские протагонисты мечтают об установлении справедливого социалистического строя на территориях, пока что лежащих за границами «своей» земли, а польские протагонисты с горечью и надеждой на «восстановление исторической справедливости» вспоминают о польских городах и землях, оказавшихся в описываемый период за границами Польской республики. Представители нового советского общества или молодой независимой Польши, отправляясь в экзотические путешествия, вступают в диалог с миром, неся на устах имя своей славной родины.

Для польской литературы этого периода стабильно характерны мотивы «встречи с чужим» в экзотическом ландшафте, экзотическо-го приключения. Жанр романа о «приключениях и путешествиях» (*powieści podróżniczo-przygodowej*), с одной стороны, «легитимизирован» в глазах польского читателя обращением к этой жанровой модели такого общепризнанного корифея и нобелевского лауреата по литературе, как Генрик Сенкевич в романе «В пустыне и джунглях» (1910). С другой стороны, этот интерес к экзотическим хронотопам отражал и внелитературные факторы — необходимость «освоить» в новом национальном нарративе опыт предыдущих волн эмиграции (как политической, так и экономической) и стремление независимой Польши к обладанию заморскими колониями, выразившееся, в частности, в деятельности «Лиги Морской и Колониальной»³.

В советской литературе интерес к экзотическим приключениям, романтике «дальних стран», провозглашению «мировой революции» [Маслинская (Леонтьева) 2014, с. 237], характерный для приключенческой прозы 1920-х гг., в 1930-е сменяется фокусированием «внимания ребенка на необыкновенной жизни его собственной страны» [Лупанова 1969, с. 166]. В украинской советской литературе, однако, преимущественно представлена вторая из названных тенденций, где «встреча с чужим» происходит на своей территории в оборонительном порядке. Такими являются повести Олеса Донченко и Николая Трублаини, выдержавшие много переизданий в течение десятилетий. Первая же тенденция, изображающая открытый героям-путешественникам «мир без границ», насколько позволяют судить доступные спустя девять десятилетий библиотечные собрания, практически не проявляется. Редким исключением является повесть 1928 г. «Вокруг света за 50 дней» Я. Кальницкого и В. Юрезанского, которую можно считать принадлежащей одновременно русской советской литературе⁴ и украинской советской литературе (книга издана одновременно на двух языках, причем, в отличие от многочисленных переводов произведений внутри советской литературы для детей, ни одно из изданий не обозначено как «перевод»).

Другим маргинальным примером может быть повесть «Приключения Мак-Лейстона, Гарри Руперта и других» Майка Йогансена (1925) [Йогансен 2009], но произведение представляет собой, скорее, чистую формалистскую игру с жанром экзотического приключения [Філатова 2012], потому едва ли говорит что-либо о представлениях

«своих» и «чужих»), характерных для автора или для культурного контекста. Исследователи, однако, видят стоящие за этим мистифицированным текстом целенаправленные попытки привнести в украинскую традицию жанр из европейской литературы и даже отзываются о нем как о «первом отечественном приключенческом романе» [Мельників 2001, с. 17]. Эта оценка не совсем верна в отношении контекста украинской литературы в целом, так как упускает из внимания, например, готовившийся к изданию в Киеве, но опубликованный уже в эмиграции роман «Сын Украины» Валентина Золотопольца и Игоря Федива (1919) или творчество Вячеслава Будзиновского, писавшего в Западной Украине в этот период. Однако эта оценка, очевидно, верна в отношении украинской литературы в Советском Союзе, и, судя по всему, это первое произведение в жанре, достигшее массового украинского советского читателя (общий тираж около 100 тыс. экземпляров).

Это косвенно подтверждает впечатление о том, что украинская советская литература не наблюдала избытка «пионерской беллетристики» про «путешествия и приключения» [Маслинская (Леонтьева) 2014], в отличие от русской советской литературы. Такое неравномерное распространение определенных литературных мотивов в рамках культурного пространства, претендующего на однородность, но по сути таковым не являющегося (с точки зрения не только языка, но и места в культурной иерархии, проявляющейся, в частности, в политике гегемонии над воображением), достойно отдельного исследовательского внимания на более широком материале.

Однако, хотя повесть Я. Кальницкого и В. Юрезанского и представляет нетипичную для украинской советской литературы разновидность приключенческой прозы — экзотическое приключение, в реализации этой жанровой разновидности она подобна польским экзотическим приключениям: протагонисты, общаясь с местным «небелым» населением, умудряются доказать отдельным его представителям, что, будучи выходцами со своей родины, они куда лучше, чем другие встречавшиеся там белые. Так, советские подростки находят друзей в лице индейцев в джунглях Амазонии:

Ррус?.. Рррус?.. Савет?.. — говорил он, но в его голосе уже не было гневных ноток. Вместо «здравствуйте», все говорили: «Ленин! Ленин!» И индеец одобрительно и важно кивал головой, вежливо повторяя: «Ленин! Ох, Ленин!» [Кальницкий, Юрезанский 1928, с. 87].

Позже в их кругосветном путешествии публичная советская самоидентификация протагонистов обеспечивает им помощь со стороны

китайских коммунистов. Аналогичным образом поляки в произведениях Оссендовского, Костецкого или Покера, рассказывая в своих экзотических путешествиях о мало кому известном молодом польском государстве, заботясь о добром имени родины [Kostecki 2006, с. 24], настаивают на отличиях от тех европейцев, которые, например, эксплуатировали азиатские народы, и получают «признание» со стороны собеседников [Poker 1934, с. 73]. Протагонисты, побеждая, согласно жанровым конвенциям, в романских коллизиях, представляют не только себя — отдельных исполненных добродетелей персонажей, но в целом «мироустройства», к которым принадлежат. В таких произведениях, как «Вокруг света за 50 дней» Я. Кальницкого и В. Юрезанского и «Перстень с рубином» Ф. А. Оссендовского, видим, что противостояние «своего» с «чужим» может быть не только непосредственным, но и соперничеством за цивилизационное влияние на кого-нибудь «другого», например, на народы Азии или Южной Америки, чьи культурные различия не позволяют причислить их к «своим», но кого нельзя назвать и априорно «чужим», «врагом» в структуре этого художественного мира.

«СВОИ» И «ЧУЖИЕ» НА ХРОНОЛОГИЧЕСКОЙ ШКАЛЕ

Кроме важного для обеих литератур «горизонтального» разделения на «своих» и «чужих» в приключенческих романах, советский дискурс предлагает дополнительное, «хронологическое» разделение. Это отличает украинские советские приключенческие романы и от польских, и от других европейских, и от украинских текстов, изданных в эмиграции, где так или иначе в основе определения «своего» лежит представление о протяженности национальной традиции или даже едва ли не генетической этно-национальной протяженности⁵. Когда речь идет о «своем» порядке советского «воображаемого сообщества», его в художественной картине мира важно отграничить не только от «внешних чужих» — представителей «врага», но и от «чуждости» общества, существовавшего на этой же территории еще пару десятилетий назад.

Эта особенность отражается на структуре художественного мира приключенческих романов. Во-первых, она, вероятно, способствует выбору в качестве протагонистов детей и подростков как однозначно единственных граждан нового общества. Про каждого взрослого, дабы подтвердить его отношение к «правильной» стороне коллизии, авторам потенциально нужно прописать (даже не имея на то сюжетного

повода), «чем он занимался в царские времена» («вся жизнь Василия Васильевича прошла в борьбе. Знал он и царскую тюрьму, и в ссылке был в далеком Тобольске» [Донченко 1956а, с. 350]). Во-вторых, такое хронологическое разделение — потенциальный источник обнаружения «чужих» среди мнимых членов «своего» сообщества, то есть повода для очередных приключенческих коллизий.

Например, в повести «Шхуна “Колумб”» Н. Трублаини диверсант Анч опасен не только своей работой на иностранную разведку, но и связями с «прошлым» Российской империи [Трублаіні 1989а, с. 212], в инспекторе он находит союзника для преступлений не только благодаря его дурному характеру, но и участию на «неправильной» стороне в событиях 1918 г. [Трублаіні 1989а, с. 234]. В повести О. Донченко «В глуши» антагонистами становятся представители старого строя, а именно изгнанные уже из нового советского общества священнослужители, укрывшиеся в тайге [Донченко 1956б]. В его же повести «Школа над морем», как и в «Шхуне “Колумб”», два аспекта чуждости антагониста дополняют друг друга: связи сторожа Кажана с бывшим баринном — хозяином усадьбы — делают его автоматически и сообщником иностранных диверсантов. В польской приключенческой литературе того же периода такое подозрение практически невозможно; наоборот, читателю предлагают представление о том, что «все люди в Польше такие добрые» [Poker 1934, с. 15].

Хотя в проанализированных польских текстах часто встречается мотив того, что в 1920–1930-е гг. протагонисты приключенческих романов — это уже не изгнанники и эмигранты⁶, а представители независимого государства, это не приводит к близким по значимости следствиям на уровне структуры художественного мира. Однако в том, что касается противостояния с «чужим», идентифицируемым с Советским Союзом, польские авторы подхватывают описанный выше советский дискурс хронологического разделения, разворачивая акценты в свою сторону.

Несомненно, хронотоп Российской империи в польских приключенческих романах часто далеко не дружественный, и в 1920-е гг., в том числе в литературе для юношества, актуализируются темы, связанные с национальными травмами периода раздела Польши [Papuzińska 2010, с. 17], ранее не проговаривавшимися в широкой литературе по цензурным причинам. Однако из историй протагонистов в рассмотренных текстах и даже из биографий авторов видим, что многие из них нормально функционировали в обществе Российской

империи, то есть социалистическую революцию и Гражданскую войну в России восприняли не как постороннее событие в другой стране, а как что-то, касающееся привычного для них порядка.

Например, в романе «Через снега и пожарища» В. Незабитовского на пути двух польских детей из Хабаровска в Варшаву в 1919–1920-х гг. их помощниками становятся не только «свои»-поляки (ссылный повстанец 1864 г., польские офицеры), но и те жители России, чье положение ставит их в оппозицию новой большевистской власти (например, священники), с протагонистами же их связывают разнообразные нити из прошлого (русский крестьянин, бывший во время войны денщиком у отца протагонистки — офицера). Обличение Ф. Оссендовским коммунистического режима и планов «советизации» Азии в романе «Перстень с рубином» прочитывается иначе, если принимать во внимание, что первые десятилетия карьеры Оссендовского связаны с Петербургом, в том числе с русскоязычными литературными пробами [Michałowski 2004, с. 17], а во время Гражданской войны в России писатель выступал на стороне адмирала Колчака [Michałowski 2004, с. 24–5].

Соответственно, в то время как в советских текстах установление социалистического режима становится точкой отсчета «своего» порядка и даже этическим критерием, в текстах Незабитовского или Оссендовского то же событие ассоциируется с разрушением моральных основ. Высказывания по этому поводу двух авторов, чьи произведения разделяет более десяти лет, близки даже в своей риторике: протагонист Оссендовского выходит на борьбу против влияния тех, «кто подделывает клейноды, идеи, лозунги и моральность» [Ossendowski 1993, с. 214], а протагонисты Незабитовского страдают в детском доме от усилий воспитательниц, направленных на «искоренение из душ вверенных им детей религиозных и моральных основ» [Niezabitowski 1925, с. 19]. То есть в обоих случаях действия «чужого» представлены не как воплощение отдельной «позитивной» программы по установлению отличных представлений о нравственности, а исключительно как разрушительное действие.

СКАЖИ МНЕ, КТО ТВОЙ «ЧУЖОЙ»...

В продолжение обсуждения этого аспекта хочу обратить внимание еще на одно заметное отличие между приключенческими романами двух литератур в анализируемый период. Хотя в польской литературе появляется множество приключенческих романов,

где сюжетообразующие угрозы для жизни протагонистов не имеют идеологической подоплеки, а связаны с неприветливой природой, «дикарями», отдельными злоумышленниками, за действия которых не стоит целый «чуждый» порядок, — значительным для этого дискурса «дефинитивным другим» остается русское/советское, как мы уже рассмотрели на нескольких примерах. Иными словами, именно четко определенные культурные атрибуции, идеологические связи делают антагонистов антагонистами. Например, главный герой «Перстня с рубином», соскучившийся в Тибете по культурной компании, морщится, упоминая единственного присутствующего, помимо него самого, европейца: «Из Европы-то из Европы <...> да из Москвы» [Ossendowski 1993, с. 25]. В этом дискурсе, частью которого являются эти появляющиеся в 1930-е годы тексты, такая характеристика является однозначным «звоночком» для читателя, с чьей стороны протагониста подстерегают неприятности. Так же и в дилогии Джима Покера ясно, что из приглашения отца главного героя на работу инженером в Советский Союз не выйдет ничего, кроме завязки опасного и увлекательного приключения.

В отличие от названных случаев, для проанализированных текстов советских украинских писателей характерно, что особо опасным «чужого» делает его неопределенность. Так, в повести «Шхуна “Колумб”» Н. Трублаини «враг» так и остается неидентифицированным для читателя (хотя и на определенном этапе опознанным протагонистами) — то, в чью пользу устраиваются диверсии, очерчивают в лучшем случае как «известное агрессивное государство» [Трублаїні 1989а, с. 306]. Таким же неизвестным остается источник угрозы в повести «Школа над морем» О. Донченко: нарушитель границы — это просто «фашистский шпион, диверсант» [Донченко 1956а, с. 483], а сторож по прозвищу Кажан подозрителен уже тем, что получает письма «из за границы» («с иностранными марками» [Донченко 1956а, с. 355] — без уточнения для читателя, хотя для протагониста в момент обнаружения письма страна его происхождения должна быть вполне очевидной) и что его настоящая фамилия — Дземидкевич [Донченко 1956а, с. 347]⁷. В повести «Лахтак» присутствие поблизости кого-то еще во время зимовки героев в море Лаптевых выглядит наиболее зловещим тогда, когда происхождение чужаков неизвестно: «Неужели иностранец: немец, англичанин, американец? — угадывал охотник» [Трублаїні 1989б, с. 92]. Позже, когда их идентифицируют как норвежских моряков, становится понятно, что угроза исходит только от классово чуждых членов этой команды, а вовсе не от них как таковых, как «иностранцев».

Таким образом, наш анализ нескольких приключенческих повестей и романов польской и украинской советской литературы, изданных в межвоенное двадцатилетие, позволяет сделать такие выводы. С одной стороны, в польской и украинской советской литературах образы «своего» и «чужого» конструируются во многом сходно, что отчасти связано с самой структурой жанра, использованного для сообщения подрастающему поколению тех или иных идеологических посылов, хотя эти произведения принадлежат дискурсам, иногда прямо определяющим друг друга как идеологического противника. С другой — есть и различия, отчасти связанные со спецификой каждой литературной традиции, отчасти — с особенностями культурной ситуации.

Различия в доминирующих подходах к созданию образа «чужого» включают создание обобщенного, неатрибутированного «чужого» в советской литературе, в отличие от необходимости цивилизационной идентификации врага в польской. Кроме того, в польской литературе преобладает изображение «встречи с чужим» в экзотическом ландшафте. В советской литературе этот же мотив, характерный для произведений 1920-х гг., в 1930-х гг. сменяется «встречей с чужим» на своей территории в оборонительном порядке. Однако именно в украинской советской литературе первый мотив находит очень мало воплощений, в отличие от «оборонительной встречи с чужим». Общие механизмы двух литератур включают обращение к топосу границы «своей земли», разделяющей дружеский и недружеский миропорядки, а также мотив соперничества с «чужим» за цивилизационное влияние (в случае «встречи с чужим» в экзотическом ландшафте).

Примечания

¹ «... в то время, как «серьезная» литература чаще всего касается тем или иным образом нашего ощущения ограничений реальности <...>, формульные истории воплощают моральные фантазии о мире более будоражащем, более вознаграждающем или же более милосердном, чем тот, в котором мы живем» [Cawelti 1977, с. 38].

² Обратимся к этой цитате для иллюстрации другого аспекта конструирования идентичности «своей группы» в анализируемых произведениях. Хотя такие тексты, как повесть Донченко, несомненно являются произведениями украинской советской литературы (изданы на украинском языке, то есть предназначены в первую очередь для советских подростков, владеющих украинским языком; «ближайшим» «своим пространством», на котором разворачиваются действия повести, является какая-то местность на территории УССР), однако, в смысле стратегий конструирования «своей группы» они относятся все же к украинской советской литературе. Несмотря на выбор в качестве хронотопа повести территории УССР и на то, что по антропонимике текста можно предположить, что, по крайней мере, часть из персонажей являются

украинцами, эта идентичность в конструировании «своей группы» не имеет значения. Слово «украинский» встречается в повести трижды, каждый раз в словосочетании «украинский язык и литература» в смысле школьного предмета, упоминаемого в связи со значимым образом учителя-наставника, а также как повод потренироваться в продуцировании идеологически верных интерпретаций произведений школьной программы. Слово «украинцы» упоминается в тексте один раз, в приведенной цитате, то есть в единственном возможном в этом дискурсе контексте: одной из граней многообразия, составляющего собой советскую «свою группу».

³ О культурных обоснованиях необходимости колонизации, а также об отражениях этой идеологии в литературе художественной и репортажной — см. в статье Гражины Борковской «Польский колониальный опыт» [Borkowska 2007].

⁴ Заметим, что, в частности, эскапистские мотивы этой повести являются органичным продолжением очерченной в статье Анны Арустамовой традиции произведений для детей о «побегах из дома» как предпосылке для реального или символического приключения [Арустамова 2009].

⁵ Речь идет о том, что, во-первых, «своя группа» прописывается через национальные маркеры, то есть ближайшее «воображаемое сообщество» описывается в таких текстах как, к примеру, «мы-поляки» или «мы-украинцы», хотя на следующих уровнях эти группы могут воображаться как вписанные в более широкие круги «европейцев» или «представителей западной цивилизации». Во-вторых, такие воображаемые группы прописываются через характеристики «испокон веку им присущие», то есть черты «национальной традиции». Также в коммуникации персонажей-представителей «своей группы» с миром предполагается, что информация о прошлом народа, о выходах из этого народа в былые эпохи — это, по-прежнему, релевантная информация для того, чтобы их визиты составили впечатление о тех, с кем имеют дело. То есть речь идет об имманентных характеристиках национальных групп, делящих мир на «своих» и «чужих» и в актуальном романном времени.

Например, в романе Г. Сенкевича «В пустыне и джунглях» (1910) — реакция англичанина на слова о том, что протагонист — поляк: «Очень ценю поляков. Я принадлежу к кавалерийскому полку, который в наполеоновские времена несколько раз сражался с польскими уланами, и эта история до сегодняшнего дня считается его заслугой» [Sienkiewicz 2001, с. 19]. Подобный пассаж у Джима Покера: «Смелый маленький Здик! Хороший парень! Я когда-то, еще в австрийские времена, служил в польском полку... из Кракова. Тоже были смелые воины... Я знаю, в Польше много смелых мальчигов... Bravo!» [Poker 1935, с. 30]. В анализируемом здесь романе Ф. Оссендовского: «Тогда Фирлей начал рассказывать обоим ламам про Польшу, про ее героическую оборону своей ничем не защищенной равнинной земли, к которой тянули жадные руки татары, крестоносцы, турки и москали, рассказывал про славных людей и про то, что Польша более всего любила свободу, и за свободу других народов воевала в Америке, Франции, Германии, Италии, России, находящейся под ярмом онемеченных царей, до тех пор, пока после долгих лет неволи не отвоевала независимость <...> Фирлей упомянул, что тысячи польских невольников в 13 веке были переброшены в Монголию, что польские монахи лечили степных наездников, что в Каракоруме, столице великих ханов, поляки помогали властителям строить сильную армию...» [Ossendowski 1993, с. 96]. В произведениях упомянутых Сенкевича и Оссендовского (лидеров читательских симпатий в 1930-е гг. [Michalowski 2004, с. 7]) другие идентичности, например, модели «европейца», «рыцаря», «джентльмена», «христианина» и проистекающие из них этические императивы являются производными из идентичности поляка. Иными словами, проявляя христианское милосердие к врагу и стойкость веры, «по-рыцарски» или «по-джентльменски» заботясь о даме,

неся «бремя белого человека», они стремятся тем самым соответствовать лишь высшему эталону: «Ты повел себя, как подобает поляку» [Sienkiewicz 2001, с. 199] (Ср.: «Вы <...> поступили смело и достойно, как украинец и человек» [Брадович 1947, с. 27] — о функционировании аналогичных структур в украинской приключенческой традиции — ниже).

Эта ключевая роль национального маркера в очерчивании группы «своих» и в определении индивидуальной идентичности пересматривается в польской литературе лишь во второй половине XX века, например, в приключенческой трилогии К. Гижицкого («Нил — река большого приключения» — 1959, «В погоне за мве» — 1966, «В джунглях и саваннах Камеруна» — 1966) (но не в серии романов А. Шклярского, первые из которых — современники упомянутой трилогии), в романах Д. Беньковской («Даниэль в Сахаре» и другие романы серии) и И. Хмелевской («Сокровища») в 1980-е гг. Трое упомянутых авторов более или менее эксплицитно переосмысливают и жанровые конвенции экзотических приключенческих романов, и концепцию идентичности, тянущуюся за национальной традицией этого жанра в польской литературе — от мэтра Сенкевича, писавшего для «укрепления [национального] духа». Этот отказ, однако, происходит совершенно иным образом, чем отказ советской литературы от национального критерия для очерчивания группы «своих», о котором идет речь в основном тексте. Бытность в качестве «поляков» остается важной гранью бытия-в-мире для их протагонистов, однако лишь гранью, соседствующей с другими — профессиональными, культурными идентичностями, — и перестает быть сама по себе ответом на вопрос об этической миссии в жизни.

Подобное возведение в абсолют национальных маркеров наблюдаем и в украинской приключенческой прозе, появлявшейся вне советского дискурса и/или в противовес ему.

Например, в романе «Сын Украины» (1919, Киев-Камянец-Вена) И. Федива и В. Золотопольца группа «своих» замыкается очень узко по этно-национальному критерию: «И если бы я знал, что в жены возьмешь себе чужестранку и приведет она тебе на свет ляха, москвина или турчина, убил бы тебя вот этой саблей» [Золотопольц 1992, с. 143]. Роман, вдохновленный немецкой робинзонадой Й. Кампе, обращается к сюжету национально-освободительной борьбы середины XVII века, но в значительной степени оперирует концептами идентичности, характерными для эпохи попыток создания украинской государственности в 1917–1919 гг. (например, проблема «соборности» украинских земель, в аспекте идентичности заключающаяся в том, что границы «воображаемого сообщества» «своих» должны совпадать с характерными скорее для начала XX в. представлениями об украинской нации, а иные мнения на эту тему даже среди таких ожидаемых «своих» — результат обмана «чужаками» [Золотопольц 1992, с. 157–158]). Через несколько десятилетий, напрямую дискутируя с «Сыном Украины», Юрий Тис предложит также основанную на национальном критерии, но более открытую к «другим» и менее авторитарную по отношению к «своим» концепцию идентичности в романе «Рейд в неизвестное» (1955, Буэнос-Айрес) [Тис 1955].

Национальный критерий определения «своей группы» характерен и для украинских изданий в Польше, наиболее примечательна среди которых приключенческая проза В. Будзиновского, стилистически подражавшего К. Маю, а идеологически — Г. Сенкевичу (впрочем, скорее, его «трилогии») в том, что следует литературно обрабатывать эпизоды национальной истории для создания текстов, пригодных для соответствующего воспитания подрастающего поколения [Горак 1993, с. 381]. В его повести «Приключения запорожских скитальцев» (1927)

[Будзиновский 1927], к примеру, «свои» — это украинцы — потомки запорожских казаков, переселившихся в Турцию в XVIII веке и спустя десятилетия пускающихся в рискованное приключение с целью консолидации и сохранения национальной идентичности. Интересны и примеры произведений, основанных на опыте пребывания в Советском Союзе, но изданных на Западе, чьи авторы формировались в 1920–1930-е гг. в советском контексте, но при возможности эмигрировали в результате глубокого конфликта с системой. В романе «Тигроловы» И. Багряного (1946) [Багряный 2001] и в повести «В глуши Копет-Дага» В. Чапленко (1951) [Чапленко 1951] протагонисты — украинцы, добровольно или принудительно в 1930-е годы находящиеся в отдаленных уголках империи (Дальневосточный край, Туркмения). В трех упомянутых произведениях герои, хоть и сталкиваются с многочисленными иными народностями Османской империи или СССР, с которыми вступают в ситуативные союзы и противостояния, но примеряют на себя «зонтичную» имперскую идентичность лишь в игровом, авантюрно-маскарадном порядке, а представление о «воображаемом сообществе» «своих» выстраивают по узкому этно-национальному признаку: «свои» — это украинцы, будь то живущие в Украине или скитающиеся на чужбине. Избрание этой концепции национальной идентичности отличает Багряного и Чапленко, сформировавшихся в украинской советской литературе (в случае с Чапленко, к примеру, возможно, более, чем он бы хотел признавать, вовсе избегая в своей повести упоминаний о том, что действие происходит в Советском Союзе, — ведь в смысле структурирования пространства его повесть вполне воплощает упомянутую в основном тексте статьи характерную для советской литературы 1930-х тенденцию: любой интервент извне подозрителен и опасен, защищенное «свое» пространство — в границах СССР, а повод для приключения — интервенция такого «чужака»), от творивших бок о бок писателей, чьи произведения я рассматриваю в данной статье (иногда в прямом смысле «бок о бок»: в некоторые периоды в 1930-х И. Багряный, Я. Кальницкий, В. Юрезанский, Н. Трублаини проживали в харьковском доме писателей «Слово»).

⁶ Этот мотив отличает польскую приключенческую литературу от западноевропейских литератур и используется, в первую очередь, как сюжетное обоснование приключения, нахождения протагонистов в экзотическом ландшафте. Например, протагонисты «В пустыне и джунглях» Г. Сенкевича живут в Египте не потому, что чувствуют себя обязанными нести цивилизаторскую миссию (как в «Киме» Р. Киплинга), или жаждут приключений (как у К. Мая или в серии про Алана Квотермена у Г. Р. Хагарда), или желают открыть неизведанное для европейской науки (как в некоторых произведениях Ж.Верна), хотя европейцы с подобными мотивациями пребывания в Африке на страницах романа встречаются. Тарковские Сенкевича живут в Порт-Саиде потому, что отец протагониста был отправлен в ссылку в Сибирь, откуда сбежал, и был бы рад применять инженерные умения на благо Польши, но не имеет такой возможности [Sienkiewicz 2001, с. 7]. Приключенческие повести В. Серошевского, как и вообще его литературное и научное творчество на «экзотические» темы, — результат его ссылки в Якутию и длительного проживания там среди культурно иных народов. Такова же жизненная ситуация и некоторых из его протагонистов, например, поляков в повести «Ришту» (1897) [Sieroszewski 1961–1962], проживающих на Кавказе, в экзотическом и порождающем приключения хронотопе, — в результате принудительного переселения туда семейства еще в предыдущем поколении. Подобное фоновое обоснование исходной точки в путешествии протагониста, вместе с советованиями на судьбу разбросанного на чужбине, лишенного отчизны народа, увидим и в его повести «Заморский дьявол» (1903) [Sieroszewski 1988].

Этот мотив надолго закрепился в польской приключенческой прозе, но с обретением Польшей независимости в 1918 г. утратил свою остроту. Вынужденному изгнанию пришел конец, эмигранты возвращаются на родину [напр.: Póker 1934, с. 32]. Теперь изгнание и эмиграция — скорее формальное сюжетное обоснование экзотического приключения, например, у Т. Костецкого («Каньон соленой реки»): протагонист отправляется за наследством дяди, эмигрировавшего в Америку из-за проблем с прусской полицией. Очевидно противопоставление дяди, слабого, изгнанника, которого, в конце концов, изжидают на чужбине, и протагониста — гражданина молодого независимого польского государства, выходящего победителем. В разнообразном творчестве Ф. А. Оссендовского встречаются и произведения, эксплуатирующие мотив эмиграции («Перстень с рубином»: главный герой — сын эмигрантов, но в его жизненной ситуации это уже преимущество: качественное образование, докторская степень из Гарварда, возможность работать на благо и Польши, и всей западной цивилизации; «Маленькие победители»: герои — уже третье поколение после эмиграции 1860-х, и вся эта тема исчерпывается одним абзацем, объясняющим пребывание их семьи в Китае [Ossendowski 2012a, с. 5-6]), и такие, где экзотическое приключение вырастает из проживания в экзотическом ландшафте по профессиональным причинам или путешествия ради поиска приключений (например, «Путешествие в мир», 1936–1937 [Ossendowski 2012b]).

И после Второй мировой войны к вынужденной эмиграции как биографическому факту протагонистов и сюжетному обоснованию их экзотического приключения обращаются такие авторы приключенческих романов, как А. Шклярский (в серии о Томке), К. Гижицкий («На одиноком атолле», 1958 [Giżycki 1958, с. 10]). Постепенно этот мотив теряет актуальность, особенно в случаях, когда приключенческий сюжет вписан в современный автору хронотоп, и протагонисты уже на несколько поколений удалены от тех волн польской эмиграции, о которых было бы политически корректно рассказывать юным читателям в социалистической Польше. В новой же послевоенной польской эмиграции не возникает заметных произведений для детей и юношества [Rapuzińska 2010, с. 137]. В украинской послевоенной эмиграции, напротив, издаются разнообразные экзотические приключенческие романы для подрастающего поколения, где выбор экзотического хронотопа объясняется вынужденным проживанием вдали от родной земли и в отдаленных частях Советского Союза (как в уже упоминавшихся произведениях «Тигроловы» И. Багряного и «В глуши Копет-Дага» В. Чапленко), и в заморских странах (например, в повести «Искатели голубого жемчуга» В. Гая (1947) [Гай 1947] или в романе «Атаман Воля» Л. Храпливой (1959) [Храплива 1959]).

⁷ Эта деталь может быть иллюстрацией того, что советский дискурс в этот период так или иначе имеет в виду поляков в качестве своего «чужого». В повести «Вокруг света за 50 дней» Я. Кальницкого и В. Юрезанского обличение порядков в Польше конца 1920-х годов, наряду с другими капиталистическими государствами, также указывает нам на этого потенциального «чужого». Возможно, Польша подразумевается и под оставшимся анонимным «вражеским государством» в «Шхуне “Колумб”» — во всяком случае, она не упомянута как посторонняя («третья сторона»), в отличие от некоторых других визави СССР из «капиталистического блока», таких, как Германия, США и Великобритания. Эти детали, на первый взгляд, противоречат сказанному в основном тексте о неопределенности «чужого», однако речь идет о том, что идентификация «чужого» не выходит за границы догадок и намеков, которые могли прочитываться или не прочитываться читателем, в отличие от более чем ясной позиции польского дискурса.

Источники

Багрянний І. Тигролови // Багрянний І. Тигролови; Морітурі. Київ: Наукова думка, 2001. С. 5–241.

Брадович М. Чужиною. Буенос Аїрес: «Промінь», 1947.

Будзиновський В. Пригоди запорозьких скитальців. Львів: «Добра книжка», 1927.

Гай В. Шукачі блакитних перлів. На чужині, 1947.

Донченко О. В. Розвідувачі нетрів // Донченко О. В. Твори в шести томах. К.: Молодь, 1956б. Т. 2. С. 5–72.

Донченко О. В. Школа над морем // Донченко О. В. Твори в шести томах. К.: Молодь, 1956а. Т. 2. С. 343–543.

Злотопольць В. Син України. Львів: Просвіта, 1992.

Йогансен М. Пригоди Мак-Лейстона, Гаррі Руперта та інших // Йогансен М. Вибрані твори. Київ: Смолоскип, 2009. С. 227–390.

Кальницький Я., Юрезанський В. Навколо світу за п'ятдесят днів: повість для дітей з малюнками в тексті. [X.]: Держвидав України, 1928.

Тис Ю. Рейд у невідоме: дивні пригоди знатного молодця пана Миколи Претвича. Буенос Аїрес: Видавництво Ю. Середяка, 1955.

Трублаїні М. П. «Ляхтак» // Трублаїні М. П. Шхуна «Колумб»: повісті, оповідання. К.: Рад.шк., 1989б. С. 3–194.

Трублаїні М. П. Шхуна «Колумб» // Трублаїні М. П. Шхуна «Колумб»: повісті, оповідання. К.: Рад.шк., 1989а. С. 195–512.

Храплива Л. Отаман Воля. Мюнхен: Українське видавництво, 1959.

Чапенко В. У нетрях Копет-Дагу. Торонто: «Нові дні», 1951.

Giżycki K. Na samotnym atolu. Warszawa: Nasza Księgarnia, 1958.

Kostecki T. Kanion Słonej Rzeki. Warszawa: Wydawnictwo LTW, 2006.

Niezabitowski W. Przez śniegi i pożogę: Przygody dzieci polskich w drodze do kraju. Grudziądz: Zakłady graficzne Wiktora Kulerskiego, 1925.

Ossendowski A. F. Mali zwycięzcy: Przygody dzieci na pustyni Szamo. Poznań: Zysk i S-ka Wydawnictwo, 2012а.

Ossendowski A. F. Wędrowka w świat. Łomianki, 2012б.

Ossendowski F. A. Pierścień z krwawnikiem. Warszawa: Dom Wydawniczy Szczpan Szymański, 1993.

Poker J. Zdych szuka matki. Warszawa: Wydawnictwo J.Przeworskiego, 1935.

Poker J. Zdych szuka ojca. Warszawa: Gebetner i Wolff, 1934.

Sienkiewicz H. W pustyni i w puszczy. Kraków: Wydawnictwo GREC s.c., 2001.

Sieroszewski W. Risztau // Sieroszewski W. Nowele. Kraków: Wydaw. Literackie, 1961–1962. Т.1. S.325–440.

Sieroszewski W. Zamorski diabeł: (Jan-guj-tzy). Katowice: Wydawnictwo “Śląsk”, 1988.

Исследования

Арустамова А. А. Америка в детской литературе конца XIX века в России // Вестн. Перм. ун-та. Рос. и заруб. филология. Вып. 4. 2009. С. 76–80.

Горак Р. Покута і повернення Вячеслава Будзиновського // Будзиновський В. Пригоди запорозьких скитальців. Київ: Видавництво художньої літератури «Дніпро», 1993. С. 368–382.

Лупанова И. П. Полвека: Советская детская литература: 1917–1967. Москва: Дет. лит., 1969.

Маслинская (Леонтьева) С. Пионерская беллетристика vs. большая детская литература // «Убить Чарскую»: Парадоксы советской литературы для детей 1920–1930-е гг. Санкт-Петербург: Алетей, 2014. С. 231–245.

Мельників Р. Людина з химерним ім'ям // Йогансен М. Вибрані твори. Київ: Смолоскип, 2001. С. 5–28.

Філатова О. Ігрові експерименти в романі М. Йогансена «Пригоди Мак-Лейстера Гаррі Руперта та інших» // Наукові записки Тернопільського національного педагогічного університету імені Володимира Гнатюка. Сер. Літературознавство : матеріали Міжнар. наук.-конф. «Богдан Лепкий у полікультурному дискурсі України, Європи та Америки», присвяч. 140-річчю від дня народж. Б. Лепкого. Тернопіль. ТНПУ, 2012. Вип. 36. С. 254–258.

Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. London, New York: Verso, 1991.

Borkowska G. Polskie doświadczenie kolonialne // Teksty drugie. 2007. №4 “Swoje, obce, skolonizowane”. S. 15–24.

Bruzelius M. Romancing the Novel: Adventure from Scott to Sebald. Cranbury: Bucknell University Press, 2007.

Cawelti J. G. Adventure, mystery, and romance: Formula stories as art and popular culture. Chicago: University of Chicago Press, 1977.

Michalowski W. S. Wielkie safari Antoniego O.: kim był Antoni Ferdynand Ossendowski. Warszawa: Wydawnictwo Iskry, 2004.

Papuzińska J. Mój bazarz. Warszawa: Wydawnictwo SBP, 2010.

Yanarella E. J., Sigelman L. Political Mythology and Popular Fiction. New York: Greenwood Press, 1988.